

М а з е н а.

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

Предисловіе.

„*Польскій Шляхтичъ*, по имени *Мазепа*, запималъ тогда сіе мѣсто. Онъ родился въ Подольскомъ Воеводствѣ и находился Пажемъ при Королѣ *Казимирь*, при Дворѣ котораго немного познакомился съ изящною Словесностію.“

„*Любовная связь* его съ женою одного Польскаго Шляхшича обнаружилась: раздраженный мужъ привязалъ его обнаженнаго къ дикой лошади и пустилъ въ сѣнь. Лошадь, приведенная изъ Украйны, понесла его прямо на родину. *Мазепа* найденъ безъ чувствъ, умирающимъ отъ голода и жажды: поселене возвратили его къ жизни. Онъ долго осматривался между ними — и опланился въ набѣгахъ на Татарскія границы. Его свѣденія дали ему большой вѣсъ между Козаками. Царь, слыша объ немъ похвалы его соотечественниковъ, поставилъ его Гепманомъ Малороссіи.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

„*Бѣгущій Король* былъ горячо преслѣдуемъ, лошадь подъ нимъ убиша; Полковникъ *Жистта*, раненный и пеходившій уже кровью, уснунилъ ему свою. Инакъ сей завоеватель, въ бѣгствѣ своемъ, два раза былъ посаженъ на лошадь, на которой не въ состояніи былъ ѣздить во время бѣгствы.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

„Король съ нѣсколькими всадниками поскакалъ другою дорогою. Его карета изломалась; посадили его на лошадь. Къ довершенію бѣдствія, ночью онъ заблудился: тогда мужество не могло уже замѣнять его истощенныя силы; боль въ ранѣ, отъ прудности дороги, сдѣлалась нестерпимою; утомленная лошадь подъ нимъ пала. Не смотря на опасность, кошорой ежеминушно подвергался, будучи опшвсюду окруженъ искавшими его побѣдителями, онъ принужденъ былъ нѣсколько часовъ опдыхашъ подъ деревомъ.“

Вольтеръ, Исторія Карла XII.

Мазепа.

I.

Счасіе измѣнило Шведскому Королю на поляхъ Полшавскихъ; онъ видѣлъ войско свое, обращенное въ бѣгство; храбрѣйшіе ратники умерщвлены въ глазахъ его. Могущество и слава, войною пріобрѣтаемая, — непостоянныя, какъ люди, которые за ними гоняются, — перешли на сторону побѣдоноснаго Царя — и Москва освободилась отъ опасности.

Настанешъ день еще ужаснѣйшій, еще достопамятнѣйшій, когда пылающія Кремлевскія башни освѣщаютъ позоръ и бѣгство непріятеля, несравненно славнѣйшаго и грознѣйшаго. Опъ будущъ свидѣтелями пораженія, еще гибельнѣйшаго; услышатъ ударъ грома, кошорый грянешъ еще страшнѣе и

разразился надъ главою завосвашеля и изумленныхъ его воиновъ!

II.

Таково счасіе сраженій: раненый, обогранный кровью своею и своихъ воиновъ, погибшихъ тысячами для спасенія Короля своего, Карль бѣжалъ по пушьямъ и переплывалъ рѣки. Тогда истина могла бы свободно укорять честолюбивое и униженное могущество гордаго самовластителя; но въ рѣдахъ его не слышно ропота.

Конь убитъ подъ Шведскимъ Государемъ; Полковникъ *Жетта* уступилъ ему своего — и пошелъ поминуться въ Рускомъ плѣну. Новый конь бодро пронесъ его нѣсколько миль, но шакже палъ онь усалости. Въ чащѣ лѣса, котораго глубокой мракъ освѣщался только кое-гдѣ сверкающими огнями передовой его стражи и пылающими кострами, служащими знакомъ для враговъ, его окружающихъ, Монархъ на голой землѣ распротеръ члены свои, оцѣпенѣвшіе онь долговременнаго напряженія. Эпо ли лавры, это ли ложе покоя, за которое народы вооружаются и взаимно губятъ одинъ другой?

Монарха положили подъ дикимъ деревомъ: онь упоменъ сраженіемъ и быспрымъ походомъ. Раны мучатъ его, члены замерли, ночь темна и холодна: припадокъ лихорадки не допускаетъ къ нему сна съ минушнымъ успокоеніемъ. Карль по Царски переноситъ свое несчасіе. Его спраданія превосходящъ мѣру; но онь преодолеваетъ и боль и

скорбь и, повелишь надъ собою, какъ недавно еще былъ повелишь Царшивъ, налагаешь на нихъ молчаніе.

III.

Полководцы окружають его . . . Увы! ихъ немного: бѣдствія въ одинъ день уменьшили число ихъ. По крайней мѣрѣ они умерли, какъ храбрые Рыцарь, Ть, коихъ пощадилъ рокъ, безмолвны и присжорбны, лежатъ подлѣ своего Монарха и рядомъ съ лошадьми своими: человекъ и животное равны въ дни опасности, они товарищи въ несчастіи. Между ними, Гешманъ Украинскій *Мазепа*, воинъ хладнокровный и мужественный, спеленъ себѣ постелю подъ сѣнью древяго дуба. Онъ самъ споль же крѣпокъ и почши сполько же смаръ, какъ сей Царь льсовъ. Хопя повелишь Украины былъ изнуренъ постышнымъ и труднымъ походомъ; однако не забылъ коня своего: онъ подоспалъ подъ него листьевъ, пошрепалъ по шеѣ, разгладилъ гриву, опуспилъ подпругу, разнуздалъ его и чрезвычайно обрадовался, увидя, что онъ щиплетъ сухой ковыль. Онъ боялся, что упомланный спрудною дорогою, онъ опскажется опъ справа, увлаженой росою. Коць былъ споль же привыченъ къ перенесенію спрудовъ, какъ и всадникъ его; онъ могъ довольствозашься скудною пищею и опдыхашь на черспвой землѣ. Быспрый, какъ въсперь, гордый, но покорный, онъ повиновался мановенію; вскормленный въ шабунѣ Ташарскомъ, онъ понималъ голось своего господина, узнавалъ его въ шодлѣ и, какъ

робкая лань, въ мракъ беззвѣздной ночи, гошовъ бѣ-
жать по слѣдамъ своего всадника, ошь вечерней
зари до утренняя.

IV.

Потомъ уже *Мазеп* началъ о себѣ заботиться;
разоспалъ свой плащъ на землю, приставилъ къ
дубовому пню копье, осмотрѣлъ ружье, открылъ
полку, чтобъ увидѣшь, не ссыпался ли порохъ, при-
винтилъ кремль. Наконецъ, обнажилъ саблю до
половины, опляшь вложить въ ножны и, вынувъ
изъ походной сумки грубую пищу, предложилъ
ее Королю и Вождямъ, съ меньшею робостью, не-
жели Царедворцы на пышномъ праздникѣ. Карль,
желая казаться веселымъ и презирающимъ раны и
несчастія, принялъ ее съ улыбкою.

„*Мазеп*,“ сказалъ онъ ему, — „мои воины не
уступаютъ тебѣ ни въ силѣ, ни въ мужествѣ;
какъ ты, переносятъ они трудные походы; храбры
въ битвѣ и быстры въ лесучихъ отрядахъ; но
признаюсь, что со время *Александра Македонскаго*,
земля не видала такой во всемъ сходной пары,
какъ ты и швой Буцефаль. Кто видѣлъ, какъ ты
мчишься по пустынь и переплываешь рѣки, для
глазъ того померкла слава Скиѣскихъ наѣздниковъ.“

„Да будетъ проклята школа, въ которой обучился
я верхомъ ѣздить!“ — отвѣчалъ *Мазеп*. — „По-
чему же?“ возразилъ Карль — „ты лихой ѣздокъ.“

„Ахъ“ сказалъ Гешмакъ, „моя повѣсть долга; а
память не одну милою проѣхавъ осталось и не одинъ

разъ доведется махнушь саблею прежде, нежели на другой берегъ Днѣпра успѣемъ переправиться. Вашему Величеству нуженъ опдыхъ; я буду охранять покой Вашъ.“

„Нѣтъ!“ вскричалъ Монархъ, „непремѣнно хочу слышать твое приключеніе. Сонъ улетаетъ отъ вѣждъ моихъ. Какъ знаешь: можешь быть твоя повѣсть усыпитъ меня!“

В. — „Государь!“ сказала *Мизепа* — „съ этою надеждою я гошовъ поспревожилъ мою семидесятилѣтнюю память. Думаю, что мнѣ тогда было двадцать лѣтъ; точно, двадцать лѣтъ. *Казимиръ* царствовалъ и весна шесть разъ обновляла землю съ тѣхъ поръ, какъ я находился при немъ Пажемъ. Янъ *Казимиръ* былъ любитель учености и совсѣмъ не приходилъ на Ваше Величество. Онъ не любилъ сраженій, не завоевывалъ и не терялъ Царствъ и, выключая безпокойствъ Варшавскаго семейства, спокойно владычествовалъ. Конечно, и у него были свои заботы: онъ любилъ Музы и красавицъ; иногда тѣ и другія выводили его изъ шершнѣя и онъ жалѣлъ, что не въ лагерѣ. Но онъ выбиралъ другую любовницу или новую книгу и — душа его прояснялась. Онъ любилъ давать пышные праздники. Жители Варшавы толпились въ его черпюгахъ, удивлялись великолѣпію Двора его, пышнымъ нарядамъ Дамъ и шипой золотомъ одеждѣ его Царедворцевъ. *Казимиръ* былъ Польскимъ Саломономъ; шакъ назы-

вали его въ стихахъ всѣ Поэмы, исключая одного, который не получивъ пенсіона, сочинилъ на Короля Саширу и хвалился пѣмъ, что онъ льстивѣе не умѣетъ. Только и слышно было о пирахъ и каруселяхъ; всѣ Придворные сдѣлались Стихотворцами; мнѣ самому однажды посчастливилось нанизать нѣсколько десятковъ рюмъ. Я подписалъ подъ своею Элегіею: *Несчастный Тирсисъ*.

VI.

Недалеко отъ столицы жилъ одинъ Воевода, знатной старинной породы, богатый, какъ соляной или серебряный рудникъ и надмѣнный, — Вы безъ труда повѣрите — какъ будто бы онъ вышелъ изъ головы Юпитера. Его родъ былъ столь высокъ, а богатство столь велико, что рѣдкіе изъ Польскихъ Вельможъ могли съ нимъ равнять себя. Но онъ до того любовался своими червонцами и такъ часто перебиралъ пергаменные листы Родословной, что потерялъ умъ и вообразилъ, что весь ихъ блескъ, все ихъ достоинство отъ знаменитой его особы происходитъ.

Жена его была различнаго съ нимъ образа мыслей; приростаю годами моложе своего мужа, каждый день болѣе и болѣе стягивалась она самовластіемъ гордаго Воеводы. Тайныя и долго скрываемаго желанія, надежды, опасенія, нѣсколько прощальныхъ слезъ при разлукѣ съ добродѣтелью, два-три безпокойныхъ свидѣнія, любовныя взгляды молодыхъ Варшавскихъ вѣшениковъ, серенады, балы, смягчающіе

самыхъ холодныхъ женщинъ, мало по малу, какъ это обыкновенно случается, произвели и здѣсь свое дѣйствіе. Красавица начала поминься . . . разнѣжилась — и сѣнскій Воевода къ другимъ пышнымъ пишкамъ прибавилъ еще одно.

УИ.

Я былъ тогда прекрасный Пажикъ. Въ семьдесятъ лѣтъ позволено похвалиться, что въ цвѣтущемъ возрастѣ мало находилъ я молодыхъ людей спашить себя и пригоже. Мнѣ хорошо было знакомо искусство нравиться. Я былъ силенъ, молодъ, веселъ. Лице мое совсѣмъ не походило на пеперенное: загорѣлыя щеки блистали нѣжностью и румянцемъ. Годы, заботы и военные труды избраздили чело мое и ожесточили душу. Моимъ тогдашнимъ знакомцамъ шрудно бы меня узнать теперь. Сія перемѣна произошла во мнѣ гораздо прежде, нежели старость успѣла наморщить черты мои. Еслибъ погасли во мнѣ прежнія силы, храбрость и дѣятельность; то я не могъ бы забавлять васъ своими разсказами, въ темную ночь, подъ открытымъ небомъ.

Возвратимся къ моей повѣсти. Прелестная Тереза . . . Мнѣ мечтается, будто она мелькнула мимо этого каштановаго дерева. Память ея жива въ моемъ сердцѣ!

Не нахожу словъ, изобразить вамъ стройность ея высокаго сана. Черноглаза, какъ Азіячки . . . эпошь црѣшь глазъ доспался въ наслѣдство нашимъ Поль-

кавъ по сосѣдству ошь Турокъ... Изъ очей ея исходилъ тихій свѣтъ, подобный первымъ лучамъ новаго мѣсяца. Я часно уподоблялъ ясное чело ея свѣтлой поверхности озера, позолоченной солнечнымъ сіяніемъ: волны не колыхнушея и небо любилъ смощрѣться въ его зеркаль. Румяныя щечки, розовыя ушна... что могу я еще прибавить? Я любилъ, я люблю ее. Въ такомъ сердцѣ, какъ мое, спрасшь не знаешъ предѣловъ. Она вѣчна — и мѣтна прошедшаго со мною неразлучна.

VIII.

Я увидѣлъ Терезу, вздохнулъ; Тереза не сказала ни слова — но дала ошвѣтъ: ешь тысяча движений, тысяча взглядовъ, видимыхъ, понятныхъ и неизъяснимыхъ. Это невольныя искры мысли, вырывающіяся изъ души, пылающей любовью; посредствомъ ихъ, влюбленные имѣютъ чудное и таинственное сношеніе. Это кольца огненной цѣпи, копорая прошивъ воли сочешаваешъ два юныя сердца и какъ электрической мешалъ, служишь проводникомъ ихъ взаимному пламени.

При свиданьи я вздыхалъ, въ разлукѣ шомился любовью. Робость мѣшала мнѣ объясниться. Наконецъ, я ей представленъ и мы, не возбуждая подозрѣнія, могли съ нею иногда разговаривать. Спо разъ я гошовъ былъ ошкрытъ; спо разъ начиналъ говорить. Слова умирили на дрожащихъ устахъ моихъ. Однажды... ешь игра, выдуманная для препровожденія времени, не помню, какъ она называешся; — однажды, нечаянно, случилось

Терезъ со мною играшь въ нее. Я мало заботился о выигрышѣ и о проигрышѣ. Я видѣлъ, говорилъ, чувствовалъ себя близко той, которую любилъ споль итно. Я наблюдалъ за нею, какъ самый зоркій часовой: желательпо, чшобъ наша спража оберегала насъ съ такимъ усердіемъ! Красавица задумалась, не занималась игрою, не радовалась и не огорчалась переменною счасъемъ; однако продолжала играть. Казалось, тайная сила ее удерживала. Внезапная мысль, какъ молнія, блеснула у меня въ умъ. Я читалъ въ глазахъ ея, что она не осудитъ меня умереть съ опчаянія — и, запинаясь на каждомъ словѣ, объяснился. Рѣчь моя не блистала краспорѣчіемъ, но меня выслушали — и эшаго довольно. Женщина, одинъ разъ позволивъ говорить себѣ о любви, позволишь это и въ другой разъ; это значить, что у ней не ледяное сердце — и первый отказъ не есть еще послѣдній.

IX.

Я любилъ и былъ любимъ взаимно. Говорить, что Ваше Величество не подвержены симъ сладкимъ слабостямъ. Я этому вѣрю и поспараюсь сократить Исторію моихъ наслажденій и спраданій: все это смѣшно и мѣлочно въ глазахъ Вашихъ. Осмѣлюсь только замѣнить, что не всѣ люди рождены повѣдывать спрашениями, шакъ какъ Вы, Государь, повѣдываете себѣ и народамъ. Что до меня; шо хотя также владѣтель, или справедливѣе сказать, былъ владѣтелемъ и вождемъ многочисленнаго войска, ко-

порое, по моему мановенію, бросалось на всѣ опасности, — я не могу похвалиться, что имѣлъ надъ собою такую же власть, какую приобрѣлъ надъ другими.

Какъ сладка участь счастливаго любовника и какъ она переменчива! Рано или поздно онъ плашпъ ужасною цѣною за минуны блаженства. Мы тайно видались съ Терезою и для моего кипящаго неперитнїя часъ свиданїя приходилъ всегда очень поздно. Дни и ночи пролетали; я считалъ только часы радостнаго *амьсть*! Увы! я немного насчиталъ ихъ! Съ тѣхъ поръ не имѣя подобныхъ, за одинъ такой часъ, опдалъ бы всю власть, всю славу и съ радостью согласился бы снова быть Пажемъ, обладателемъ одного только сердца. У меня тогда ничего не было, кромѣ шпаги и всѣ сокровища сославляли дары Природы: молодость и здоровье.

Таинственный часъ свиданїя! Говорятъ, что скрытность придаетъ ему прелесть. Можешь быть, это и справедливо; но я охотно пожертвовалъ бы жизнию за счастье, хотя однажды торжественно назвавъ Терезу своею супругою. Не по сердцу мнѣ тайныя, непозволенные свиданїя.

X.

Тысяча завистливыхъ глазъ присматривающъ за влюбленными; коварное любопытство не дремлетъ. Въ одну прекрасную ночь, подкупленные люди подстерегли меня и схватили.

Ясно великодушный Папъ препеталъ ошь бѣшенства. Я былъ безоруженъ; но и вооруженный, со шпагою въ рукѣ, что могъ бы я сдѣлать прошивъ множества? Я находился подлѣ его замка, далеко ошь города, лишенъ всякой помощи. Начиная свѣтать. „Наступилъ послѣдній день швой, пробилъ смершнй часъ швой!“ говорилъ я самъ себѣ Между шѣмъ меня привели въ замокъ. Не знаю, что сдѣлалось съ моею Терезою: съ шѣхъ поръ мы не видался.

Вы можете себѣ легко представить, что гнѣвнй Воевода обошелся со мною не очень ласково. Онь былъ правъ! Больше всего раздражала его мысль, что я взмушилъ чистый пошокъ его благородной крови, запыталъ гербъ его.

XI.

„Приведите дикую лошадь!“ вскричалъ онь. И черезъ минушу лошадь стояла у крыльца. Эшо былъ благородный конь Украинской породы: готовый лешть съ беспрошою живой мысли, онь былъ дикъ, какъ дикая коза. Пойманный въ сѣпни, только за сушки, онь не зналъ ни шпоръ, ни узды. Сей сынъ пустыни стоялъ передо мною съ подъяшою дыбомъ гривую, храпѣлъ, пѣнился ошь гнѣва и боязни; конюшіе крѣпко привязали меня на хребтѣ его, сняли съ него арканъ, пустили на волю. Мы полешѣли. Не такъ быстро, не такъ спремительно водопадъ мчишея по ушесамъ.

XII.

Мы лѣтъли; дыханіе мое занималось. Я не замѣнилъ, въ какую сторону помчалъ меня конь мой; это случилось на разсвѣтѣ; послѣдніе, слышанные мною звуки человѣческаго голоса были насмѣшки моихъ мучителей. Въперъ доносилъ ко мнѣ ихъ громкій хохотъ и звѣрскія восклицанія. Въ бѣшенствѣ я хотѣлъ оглянуться, оборвалъ веревку, которою былъ привязанъ къ лошадиной шеѣ, приподнялся до половины и послалъ имъ проклятія; думаю, что шопотъ скакуна моего помѣшалъ имъ ихъ слышать или, по отдаленности, онѣ не дошли до нихъ. Очень жаль этого: мнѣ бы хотѣлось за ихъ брань заплашишь бранью и оскорбленіемъ за оскорбленіе. Правда, что чрезъ нѣсколько лѣтъ я заплашилъ имъ долгъ свой съ лихвою: въ замкѣ яновельможнаго врага моего не остался камень на камнѣ. Все сравнено съ землею. Нивы его вышоптаны и одна поляна на нихъ развѣвается. Пушникъ, проходя мимо чертоговъ его, не замѣтитъ, что шумъ находилось когда нибудь жилище человѣческое; я видѣлъ, какъ пылающія башни замка и дымящіяся зубцы ихъ рухнули и засыпали рвы; я видѣлъ, какъ расплывшійся свинецъ огненнымъ дождемъ шекъ съ горящихъ закопченныхъ кровель. Толщина снѣгъ не защитила ихъ отъ моей мести: онѣ преснули — и рассыпались. Жалкая сволочь, которая такъ злобно ругалась моимъ несчастіемъ, видя, какъ дикій конь стрѣлюю помчалъ меня по степи, конечно не подозрѣ-

вала, чпо я возвращусь къ нимъ въ непродолжительномъ времени съ десятью тысячами отважныхъ Козаковъ и возблагодарю Воеводу за его угощеніе.

Казнь моя была для нихъ праздникомъ: они безжалостно прикрутили меня крѣпкими веревками. Я отмстилъ имъ.

XIII.

Мы летѣли на крылахъ вѣтра, оставляя за собою деревни и села. Мы разсѣкали воздухъ, какъ легкій метеоръ, сверкающій и угасающій, тогда какъ молнія на Сѣверѣ мгновенно освѣщаетъ темную ночь. Ни города, ни села не встрѣчали мы дорогою: во всѣ стороны широкое поле, на концѣ кошораго вдали дремучій лѣсъ синѣлся, да кое-гдѣ мелькали башни крѣпостей, ошъ Ташарскихъ набѣговъ построенныя. Я не видалъ нигдѣ слѣда человѣческаго. За годъ передъ тѣмъ, Турецкая Армія проходила сими степями; зелень не росла на мѣстѣ, орошенномъ кровью, изрытомъ копытами конницы; небеса были темныя; глухой вѣтеръ грустно свисалъ въ ковылѣ; мнѣ хотѣлось бы отвѣчать ему вздохомъ; но мы неслись такъ шибко, что нельзя было ни вздохнуть, ни молиться. Холодный потъ капалъ съ меня на блестящую гриву скакуна; поздри его раздувались ошъ гнѣва и страха. Иногда мечталось мнѣ, что онъ бѣжитъ пише; мечталось! ибо тѣло мое было для него легкою ношею — и щекоча подспрѣкало его къ быспрѣйшему бѣгу. Каждое движеніе, сдѣланное мною для освобожденія опухшихъ и перзаемыхъ

моихъ членовъ, умножало его страхъ и бѣшенство. Я пытался укротить его ослабшимъ голосомъ; но онъ пренецалъ отъ каждаго звука, какъ отъ удара бичемъ, какъ будто отъ рѣзкаго зыка шрубы военной. Узы мои обагрились кровью и горло засохло отъ пламенной жажды.

XIV.

Мы въѣхали въ обширный лѣсъ: конца его ни въ одной сторонѣ нельзя было видѣть. Тамъ и сямъ возвышались вѣковыя деревья, копорыхъ крѣпкіе корни могли противостоять Сибирскимъ мятелямъ, все на пуши своемъ сокрушающимъ. Деревья стояли рѣдко и юныя отрасли, густыя и сѣнныя, росли подъ ихъ прародительскою сѣнью. Сіи кусты роскошно опушались весеннею зеленью. Еще далеко было до осенней поры, устилающей землю багряными листьями, подобными крови, запекшейся на шрупахъ воиновъ, лишенныхъ погребенія. Я замѣчалъ, что много деревьевъ недавно срублены: на площадкахъ возвышались темный каштанъ, крѣпкій дубъ и ель пирамидальная. Къ счастью, они стояли довольно далеко одинъ отъ другаго. Ихъ вѣтви гнулись, уступая намъ дорогу и щадили мое плѣло, и безъ того истерзанное. У меня оставалось еще довольно силъ для перенесенія боли въ ранахъ, застылыхъ отъ спужи; я былъ шакъ крѣпко привязанъ, что не боялся упасть. Мы промчались, какъ вихрь, оставя за собою и лѣсъ, и кустарники, и цѣлыя стада волковъ, гнавшихся за нами, съ шую

неутомимостью, которая часто приводить въ опчаяніе и алчныхъ псовъ и горячихъ охотниковъ. Они не оставляли слѣдовъ нашихъ до разсвѣта; пусть я увидѣлъ ихъ въ самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи; ночью я слышала легкій шумъ ногъ ихъ за нами. Смерть была неизбежна; но я желала бы погибнуть съ мечемъ въ рукахъ, бросившись въ шолпу непріятелей и окруживъ себя ихъ трупамн. Сначала мнѣ хотѣлось, чтобы лошадь моя скорее утомилась; теперь боюсь я, что она обезсилѣетъ. Напрасное опасеніе: она не измѣняла дикой своей породы; легла, какъ легкая серна, какъ бѣлый снѣгъ, замещающій хижицу земледѣльца. Еще болѣе испуганная, еще болѣе разгоряченная, она сердилась, какъ дитя, которому отказали дань игрушку, какъ женщина, которая выходитъ изъ себя въ минуту вспыльчивости.

XV.

Лѣтъ осмался позади насъ. Солнце совершило половину пути своего, и хотя это происходило въ Іюль, однако я не могъ согрѣться. Можеть быть, кровь засыпла въ мои жилы. Долгое спраданіе приводить въ уныніе самаго мужесквеннаго чловѣка. Я тогда былъ не то, что теперь: необузданъ, стремительнъ, какъ зимній пошокъ, я не успѣвала еще самъ себя дань опчешъ въ своихъ чувствахъ и онъ уже обнаруживались невольнн въ моихъ дѣйствіяхъ. Ярость и страхъ, пышка изможденныхъ членовъ, спужа, голодь, спыдь и опчаяніе,

видѣшь себя обнаженнымъ, привязаннымъ къ дикой лошади: развѣ эшаго недовольно было, чѣтобъ изнурить бранный тѣлесный составъ мой? Мудрено ли было ему, пасть подъ бременемъ столь многихъ золь, вмѣстѣ на него ополчившихся? Въ жилахъ моихъ текла кровь пылая; я происходилъ огнь предковъ, кошорыхъ гнѣвъ, мгновенно воспламеняющійся, походилъ на ярость змѣи, на кошорую пушникъ насшупилъ дерзкою ногою.

Мнѣ казалось, что земля убѣгаетъ, что небо вершится кругомъ меня и что я падаю съ лошади: увы! мои пупы крѣпкими узлами были застянуты. Сердце мое сжалось, голова кружилась, жилы въ вискахъ бились или слишкомъ скоро, или совсѣмъ останавливались. Небо представлялось мнѣ колесомъ, безпрестанно кающемся, деревья шатались. Вдругъ глаза мои пошевелили: обморокъ! Не столь тяжко распадается душа съ тѣломъ! Терпя жесшочайшя муки, я чувствовалъ, что взоръ мой померкалъ и снова открывался; шщечно усиливался я проглянуть и опамятовался; я походилъ на пловца, кошорый, спасаясь на доскѣ послѣ кораблекрушеня, по покроется волнами, по изъ нихъ вынырнетъ. Моя жизнь походила на шѣ мечшашельныя молнн, кошорыя въ первыхъ припадкахъ горячки ночью блещущъ въ закрытыхъ глазахъ нашихъ; скоро она почпи угасла; боль утихла; вмѣсто шого я чувствовала какое то шоскливое безпокойштво, неноснйшее самой боли. Боюсь, что въ смершннй часъ на-

добно будетъ еще подвергнуться этой пытке. Я думаю даже, что при смерти нашей тоска еще мучительнѣе. Что дѣлать! я всегда равнодушно встрѣчалъ смерть: она меня не испугаетъ.

XVI.

Внезапно я опомнился. Гдѣ я? Чувствую холодъ, оглохъ и оцѣпенѣлъ. Мало по малу члены мои оживающъ, жилы начали биться; но сильный испугъ снова потрясъ всю мою внутренность; густая и замерзшая кровь бросилась къ сердцу. Ужасные звуки поразили слухъ мой: я началъ различать предметы, хотя и тускло и какъ будто бы сквозь толстый кристалль. Мнѣ слышился шумъ волнъ: я увидѣлъ звѣздами устьяное небо. Это былъ не сонъ: лошадь плыла черезъ широкую рѣку; мы были уже на срединѣ и стремились къ уединенному и незнакомому берегу. Благотворная влага ушолла боль и члены мои почерпнули въ рѣкѣ спасительныя, хотя и скоропреходящія силы. Мой благородный конь широкою грудью отважно разсѣкалъ волны. Мы доплыли до скользкаго берега: сія пристань не обѣщала мнѣ конца моихъ бѣдствіямъ; за мною мракъ и опасность, впереди пана и ужасъ. Сколько часовъ все это продолжалось! не вѣдаю; я былъ ни живъ, ни мершвъ — и едва чувствовалъ въ себѣ жизнь.

XVII.

Конь мой вскочилъ на берегъ, который, казалось, отштолкнулъ его. Влажная шерсть и грива его лоснились, члены шрепешали и отъ боковъ вспавалъ

густой парь. Онъ напрягъ все силы и опять выпрыгнулъ на берегъ. Въ темнотѣ ночи безпредѣльная степь передъ нами разстлалася; око не могло измѣрить ея широту, подобную пропастямъ, во снѣ насъ пугающимъ. Мѣсяцъ, взшедшій въ правой сторонѣ у насъ, освѣтилъ кое-гдѣ курганы, темнымъ дерномъ одѣтые и, какъ острова, во взволнованномъ морѣ благо ковыля плававшіе. Однако ничего похожаго на хижину вдали не открывалось — и гостепріимный огонь нигдѣ не свѣтился; даже блудящій огонь ни разу ложнымъ блискомъ своимъ не принесъ мнѣ опрады. Пусть бы онъ обманувъ меня, хотя на мигъ обрадовалъ! Онъ бы напомнилъ мнѣ о лицахъ человѣческихъ.

XVIII.

Силы скакуна моего пещошились; онъ шащился шагомъ и едва передвигалъ ноги; слабый маденецъ могъ бы весши его за поводъ. Увы! какую выгоду могъ я найши въ томъ, что присмирѣлъ дикій конь мой? Узы мои не ослабли, не развязались; но хотя бы, какимъ нибудь чудомъ, я отъ нихъ и освободился: то конечно не далеко бы ушелъ съ опухшими и окровавленными ногами. Я уже не разъ пышался разорвать веревки; но только шуже и шуже ихъ сшибивалъ, отъ чего боль спановилась несноснѣе. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ близкій конецъ моимъ страданіямъ.

Лучи, сквозь облака прокравшіеся, возвѣстили мнѣ утро. Какъ лѣниво всходило солнце! Я не могъ до-

ждашься этого часа, когда совершенно разсвѣнешь и ночныя тѣни разсѣются. Между тѣмъ, пурпуръ прекрасно разрисовывалъ Восточное небо и звѣзды, съ приближеніемъ Царя свѣшили, пошухали; а я обвинялъ солнце въ медленности.

XIX.

Наконецъ оно возшло; пары, носившіеся надъ степью, разстались. Ни лѣсъ, ни рѣка, ни поле, не представляли мнѣ ничего опраднаго. Ни звѣрь, ни человекъ не напечатавъ на сухой землѣ слѣдовъ своихъ. Самый воздухъ безмолвствовалъ. Ни одно насекомое не жужжало, ни одна пшлица не привѣствовала упреннее солнцу. Мой конь, шяжко дыша, протащилъ меня нѣсколько верстъ по необитаемой дикой степи. Въ это время мнѣ послышалось ржаніе коней. Оно несло изъ чернаго сосноваго бора. Сперва я почелъ его стономъ вѣтра, качающаго деревьями; но увидѣлъ шабунъ дикихъ лошадей, къ намъ приближающихся. Я хотѣлъ закричать: уста мои заперлись и слылись. Лошади гордо скакали вокругъ насъ: гдѣ же руки, управляющія браздами? Вижу тысячу лошадей и ни одного всадника. Ихъ хвосты развѣвались по волѣ вѣтра; никогда рука не играла съ ихъ длиною гривой, не шрепала по ихъ гордой шеѣ, ихъ широкія поздри не спѣснялись намордникомъ, удила не окровавляли имъ рта, ихъ ноги не знали желѣзь, ихъ бока не уязвляли ни бичъ, ни шпоры. Это шабунъ лошадей дикихъ, какъ волны Океана. Земля, какъ эхо грома, звучала подъ ихъ

копытами. Онъ къ намъ приблизились и конь мой спалъ поднимать ноги проворнѣе. Онъ хотѣлъ зрѣть съ радостн; но испушивъ нѣсколько дрожащихъ звуковъ, упалъ. Нѣсколько винувъ пренемалъ онъ; но глаза его остодлись и зрачки поухли: онъ скорчился, пропаяулся и издохъ.

XX.

Между нѣмъ шабунъ степныхъ брашій его приближился; онъ слышалъ послѣднй вздохъ его. Сн живонныя съ удивленіемъ сморщили на человѣка, кровавыми узамн привязаннаго къ хребту ихъ повараща. Остодновились . . . . содрогающся . . . дышашъ недовѣрчиво . . . скачущъ шуда и сюда . . . еще разъ возвращающся, ошестунающъ и разбѣгающся въ разныя стороны. Потомъ, послушныя вождю шабуна, черному, какъ воронъ, скачущъ, удаляющся, прыдущъ ноздрами пѣну и, по врожденному чувству, испуганныя видомъ человѣка, въ ближнемъ лѣсу скрываются.

Они оставили меня отчаяннаго, привязаннаго къ лошадиному трупу. Ахъ! Онъ уже не чувствоваль гибельнаго бремени, причины его смерти; бремени, ошъ котораго желаль бы я его избавить. Мы оба лежали на землѣ, неподвижныя, и мертвыи и умирающій. Я совсѣмъ ошчался избавленія.

XXI.

Съ утра до вечера, находился я въ этомъ бѣдспвежномъ положеніи, счишая часы люшими спраданіями. Во мнѣ оставалось столько жизни, что-

бы видѣть захоженіе послѣдняго моего солнца. Я ждалъ смерти съ безнадежною рѣшимостью, съ какою ждуть ее шарикъ, предувѣдомленные годами о скоромъ ея приходѣ. Людямъ извѣстно, что она не пройдетъ мимо; а между тѣмъ, они берутъ противъ нее такія предосторожности, какъ будто бы это простая съть, кою можно избѣгнуть. Мы часто желаемъ и зовемъ къ себѣ смерть, даже ищемъ ее въ биввахъ; но, чистосердечно сказавъ, встрѣча съ нею непріятна, въ какомъ бы видѣ она ни представилась.

XXII.

Чрезвычайно рѣдко, дѣти счастья, пресыщенные виномъ и роскошными брашнами на пиру жизни, прощающа съ нею столь безропотно и тихо, какъ бѣдняки и несчастливцы. Удивительно! Странно! Первые всемъ насладились, всемъ наскучили; имъ оспавался только страхъ пошерьшъ богатство, знатность, здоровье; послѣдніе надѣялись близкаго конца своимъ бѣдствіямъ. Имъ бы надлежало больше сердиться на смерть, коюрая выводилъ ихъ изъ свѣта, можетъ быть, наканунѣ того дня, когда посяшло бы ихъ счастье.

XXIII.

Солнце садилось... Никакой надежды на освобоженіе. Я уже считалъ себя приговореннымъ, смѣшавъ свой прахъ съ холоднымъ прахомъ издохшей подо мною лошади. Тусклые глаза мои пребывали смерти. Я обратился послѣдніе взоры къ небу — и

увидѣлъ между собою и солнцемъ ворона, съ нестерпимымъ ожидавшимъ моею смертн, чпобъ начать кровавый пиръ свой. Онъ плавалъ надъ нами, садился на землю и опять около насъ увивался. Широкия крылья его махали надъ моею головою; наконецъ, онъ подлетѣлъ ко мнѣ столь близко, что я могъ бы его ударить, еслибъ имѣлъ силу; но легкое движеніе руки, горсть песку, шихо взброшеннаго, гробовой мой голосъ: все это его испугало и отогнало.

Далѣе, ничего не знаю. Помню, только очень неясно, о лучезарной звѣздѣ, которая привѣтно блеснула въ отдаленіи и шихо и колебаясь ко мнѣ приближалась. Помню, что я охолодѣлъ, что съ прудомъ опомнлся и опять обмеръ; потомъ какое-то легкое дуновеніе, возвратившее мнѣ чувства; пріятное, но непродолжительное ощущеніе бытія, какъ бы кусокъ льда, облегшій мнѣ сердце — и наконецъ пскры свѣта, блеснувшія въ глазахъ моихъ, болѣзненное дыханіе, ускоренное біеніе жилъ, дрожь, вздохъ и обморокъ.

XXIV.

Пробуждаюсь... Гдѣ я? Человѣческой ли образъ предо мною?.. Подъ крышею ли, въ хижинѣ ли нахожуся? На постелѣ ли размешаны мои члены?.. Взоръ ли подобнаго мнѣ смертнаго успрямленъ на меня такъ шихо, съ такимъ благоволеніемъ? Въ сомнѣніи закрылъ я вѣжды и думалъ, что еще не прошелъ послѣдній обморокъ.

Молодая, спрoйная дѣвушка, съ прелестными кудрями, по плечамъ разбросанными, прислонясь къ стѣнѣ, смошрѣла на меня приспально. Пришедъ въ чувшво, я былъ пораженъ яркимъ блескомъ черныхъ ея глазъ, нѣсколько двинхъ и на мои глаза устремленныхъ. Я въ свою очередь впередъ на нее взоръ свой, желая удешовѣриться, не призракъ ли передо мною и узнашь, на бѣломъ ли я стѣнѣ. Она улыбулась, замѣня, что вѣжды мои раскрылися. Я хотѣлъ говорить, но языкъ не повиновался. Красавица подошла къ постелѣ и, приложя перенъ къ устамъ своимъ, дала разумѣнь, что мнѣ вредно дѣлать напряженіе и что надобно дождашьсѣ возвращаши силъ моихъ. Пошомъ, положи свою руку на мою, поправила изголовье, удалилась ошъ меня безъ шума, тихо расшворила дверь и произнесла нѣсколько словъ въ полголоса. Никакое пѣніе не могло бытъ слаще сихъ звуковъ; самый шорохъ ея походки имѣлъ въ себѣ какую-шо цешъяснимую прелестъ. Тѣ, кого она звала, не опкликнулись. Она вышла совѣтъ изъ комнаты; но прежде взоромъ и знаками дала мнѣ знашь, что здѣсь безопасно, что она хозяйка, что уходить недалеко и скоро возвращишьсѣ. Со всемъ шѣмъ, мнѣ тяжко было чувшво одиночешва.

XXV.

Она вошла ошяшь съ ошцемъ и маперью . . . Чшо вамъ сказашь еще? Они подняли меня въ шепи,

безъ чувствъ, перенесли въ ближнюю хату и воз-
вратили къ жизни будущаго ихъ повелителя.

Такимъ образомъ бѣшеный шарикъ, желая про-
должительными муками ушолить надо мною злоб-
ное свое мщеніе, пустилъ меня въ сѣпь обнажен-
наго, связаннаго, окровавленнаго . . . . Думалъ ли
онъ, что эти связанные руки будущъ носить бу-
лаву Гешманскую? Кто изъ насъ можешь пред-
знать будущую судьбу свою? Не станемъ отчая-
ваться! Завтра же, можешь бышь, лошади наши
будущъ щипать траву на Турецкомъ берегу
Днѣпра . . . . О какую теплую благодарность при-
несу я Небу, когда увижу Днѣпръ между нами и
непріятелемъ! Добрая ночь, шоварница!“

Гешманъ заснулъ подъ стѣнью дуба, на листьвя-
номъ ложѣ, имъ самимъ подоспаннымъ. Онъ не на-
ходилъ его ни жесткимъ, ни новымъ. Воинствен-
ный Гешманъ никогда не забоился ни о мѣсѣхъ,
ни о часѣхъ: онъ засыпалъ шамъ, гдѣ сонъ заспа-
валъ его. Онъ спитъ . . . Вы удивляешься, что
Карлъ не поблагодарилъ его за повѣсть. *Мазепа* не
дивился: прошло больше часа, какъ Монархъ спалъ.

НОВОСТИ ЛИТТЕРАТУРЫ.

Ноябрь, 1824.

П Р О З А.

*Нѣсколько писемъ одного Рускаго путеше-
ственника къ В. А. Ж. изъ Рима.*

3-го *Апрѣля.*

Въ самой пышной и населенной части древняго Рима, куда, во время величїя падшей столицы, спекался народъ шумными толпами на жестокїя увеселенїя, возвышающяся и теперъ еще огромные останки Колизея, Амфитеатра Флавіева.

Здѣсь бойцы сражались между собою на смерть; здѣсь люди боролись съ хищными, голодными звѣрями и часто погибали въ борьбѣ, не возбудивъ и сожалѣнїя въ зрительяхъ; левъ и шугръ цѣнились болѣе, чѣмъ купленный невольникъ. Это называлось играми; Императоръ и даже жрицы Весты присушествовали на нихъ, бытъ можешь, съ удовольствїемъ глядя на кровь, текущую по обнаженнымъ членамъ умирающаго Гладїатора. — После, во время гоненїя Христіанъ, на томъ же поприщѣ проливалась кровь спрдавшихъ за Вѣру.